

Семнадцать мгновений театра

ВОЛКОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Завершился шестой Международный Волковский фестиваль. Двенадцать фестивальных дней – семнадцать спектаклей на большой и камерной сценах. Зрители получили уникальную возможность увидеть работы мастеров сцены из Эстонии, Белоруссии, США, еще раз встретиться с известными коллективами из Москвы и Петербурга, а также с театрами русской провинции.

Ни один зритель не мог увидеть все семнадцать спектаклей фестиваля уже в силу того, что они шли одновременно на большой и камерной сценах. Семнадцать мгновений театра, какими они были?..

Строительство фестиваля – дело тонкое. Его творцы – режиссеры, актеры, музыканты, художники – ежевечерне создавали на подмостках свою жизнь. Диапазон авторов – от Шекспира и Островского до представителей нынешней «новой драмы». В афише – Пушкин и Чехов, Соллогуб и Некрасов, Тургенев и Гончаров (в модернизации М. Угарова), Сухово-Кобылин, Гоцци, Андерсен, Кафка, Беккет, Бабель и Брехт, Франсуаза Саган.

Фестиваль открылся авангардным оперным спектаклем «Бестиарий» А. Щетинского в постановке Георгия Исаакяна. Русская оперная сцена сегодня находится между рутинной и шумно-скандальными постановками. Для Исаакяна опера – дело всей жизни. И его ценности – сохранение классического фонда, просвещение публики и поиски новых художественных форм. Умная, изысканная и элитарная режиссура Георгия Исаакяна в «Бестиарии» покорила ценителей музыкального театра.

Фантастический, мистический «Бестиарий», в центре которого явился человек-кентавр, находящийся между Богом и Дьяволом, загадал немало загадок (начиная с темы кафкианского «превращения») и задал высокую планку фестивалю.

Высокая постановочная культура отличала балет «Кассандра» (балетная труппа Эстонской национальной оперы, хореограф Лучано Каннито, Италия), где локальные цвета, резкая, угловатая танцевальная экспрессия, состязание «варварских» и классических линий танца слились в яркое зрелище. Впечатляющая музыка Марко Шиавони вобрала в себя все – от мелодичной итальянской тарантеллы до рок-н-ролла Элвиса Пресли. Кассан-

дрожный театр «Глобус») и даже «Русского водевиля» (МХАТ имени Горького) отравлены мором «златого тельца». Преступные страсти и порывы Мэки-Ножа и Кречинского (там, где они заданы Брехтом и Сухово-Кобылиным) ступеваны. Нет преступников, есть невинные приключения, завершаю-

щиеся поцелуем «в диафрагму». В «Свадьбе Кречинского» и в «Трехгрошовой опере» полицейские чиновники, «карающие» пороки, на деле защищают порядок, который порождает и насаждает эти пороки.

Добрая половина – спектакли музыкальные или «с музыкой». Авангардная опера, ба-

лет, водовиль, рок-опера, мюзикл, музыкальный спектакль... Наиболее интересные решения музыкального спектакля на драматической сцене были представлены Калужским драматическим театром (режиссер Александр Плетнев) в реву «Если любишь – найди» (оригинальная попытка перенести фильм «Бал» Этторе Сколы на советскую почву 20 – 80-х годов) и песенно-исторической народной драме «Лодка».

Примета времени сегодняшнего театра, отразившаяся в некоторых спектаклях фестиваля, – «бизнес-искусство» с его главным жанром – мюзиклом. Эти шоу – на деле коммерческие предприятия с просчитанным бюджетом. Театр стремится к entertainment'у, то есть развлечению публики. Роскошь костюмов (натуральная кожа) подчас затмевала в «Трехгрошовой опере» ее смысл – внешне броский и яркий спектакль, к сожалению, был ориентирован на монументальную зрелищность и пафос массовых сцен, хотя и там были свои обретения.

Еще одна примета театрального времени и фестиваля – «прививки» к драматическому древу других жанровых и видовых форм. От оперетты – песни в соединении с танцем, использование водевильного сюжета. От цирка – акробатические трюки.

Фото Сергея Метелицы.

дра – Марина Чиркова сумела передать в своей вещунье и пророчице ощущение гибельности и трагизма. «Бесовщина» завоевывала сознание человека исподволь. В одном из эпизодов балета на сцене появлялся подарок для людей, не тронутых прогрессом цивилизации, – магический ящик, первый телевизор. Экран TV – всемогущий бог и наркотик, и вот уже толпа, огромный зрительный зал (на сцене!) – в гибельном оцепенении, в каталепсии. Так эстонцы оценивают масс-продукцию современного TV, обозначив это явление не иначе как «вторжение троянского коня американцев в культуру».

Своеобразный «бестиарий» стал одной из сквозных тем фестиваля. Персонажи «Трехгрошовой оперы» Брехта (Русский Большой драматический театр имени Качалова, Казань – на нижнем снимке), герои «Бешеных денег» Островского (театр имени Волкова), «Свадьбы Кречинского» (новосибирский академический мо-

На фестивале была представлена подлинная культура провинции, но был, к сожалению, и тот провинциализм, который сужал, делал плоскими и обытовлял огромные пласты культуры. Современен ли сегодня Брехт? Можно ли забывать о трагедии и превращать «Ромео и Джульетту» в озорное, порой привлекательное комическое действо в первой части, не достигая высокого трагизма далее? Можно ли сознательно, ерничски упрощать трагедию Шекспира («Ромео и Джульетта», владимирский «Театральный комплекс» или «страсти роковые» Пушкина («Анджело и другие...», Минск, Русский драматический театр имени М. Горького) до уровня массового зрелища?

Однако если спектакли большой сцены нередко выявляли тенденцию к шоу (что нравилось публике), то постановки камерной сцены выделялись обращенностью к душе человека, вырастая в действо глубокое и волнующее, здесь звучали истинные голоса тревог, забот, веры и любви. Таким был, например, спектакль «Облом off» с Анатолием Абдулаевым (на верхнем снимке), сыгравшим в своем слуге Захаре трагическую историю страдающего русского человека, оплакавшим, подобно Фирсу, и вырубленный сад, и Россию.

За шесть лет существования Международного Волковского театрального фестиваля стал заметным явлением российской театральной жизни. По-видимому, он нуждается в расширении пространства, более четком определении его концепции и структуры. Нужно выделить спектакли «с традицией» русской театральной школы и спектакли экспериментальные. Необходимо обозначить и «off-программу». На вопрос об итогах фестиваля невозможно ответить так: без Волковского фестиваля невозможно теперь представить себе театральный Ярославль. Достигнуты договоренности об обменных гастролях. Группа американских преподавателей и сотрудников Американского университета в Вашингтоне, гостившая на фестивале, побывала в эти дни не только на спектаклях, но и в Ярославском государственном театральном институте. Гости из США увезли с собой наши учебные программы, был подписан протокол о намерениях обмена педагогами и студентами.

Мargarita ВАНЯШОВА.